

УДК 34(075.8), 342

ЮРИДИЧЕСКАЯ СТАТЬЯ С КАРТИНКОЙ – ПРО ПДД, ПРИНЦИПЫ ПРАВА И МАТЕМАТИЧЕСКУЮ ТЕОРЕМУ ГЁДЕЛЯ

© 2016 г.

Д.В. Тютин

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород
Арбитражный Суд Волго-Вятского округа, Н. Новгород

dt-nn@rambler.ru

Поступила в редакцию 08.04.2016

С нетрадиционной точки зрения изучается вопрос о допустимости рассмотрения общеправовых принципов права как системы аксиом.

Ключевые слова: принципы права, система аксиом, аксиомы в праве.

В многочисленных изданиях, содержащих билеты для сдачи теоретического экзамена на знание Правил дорожного движения (ПДД), практически всегда есть вопрос о «патовой» ситуации, в т.ч. в варианте, когда к перекрестку двух равнозначных дорог одновременно со всех сторон подъехали четыре автомобиля с намерением проехать его прямо и, соответственно, об очередности проезда ими этого перекрестка [1].

Схема ситуации обычно выглядит приблизительно следующим образом:

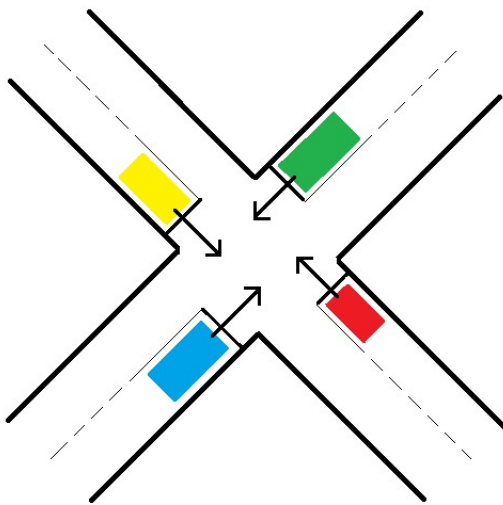

Рис. 1

В соответствии с правильным вариантом ответа на данный вопрос, Правила эту ситуацию не регламентируют; водители должны определить очередность проезда по договоренности. Таким образом, заинтересованным субъектам – водителям предлагается, по существу, неправомерной способ решения вопроса – договориться друг с другом.

Представляется, что данный, казалось бы, частный пример позволяет наглядно продемонстрировать одну из интереснейших проблем

современной правовой науки, а именно вопрос о том, могут ли в основе права лежать аксиомы (как вариант – можно ли воспринимать принципы права как аксиомы).

Изначально, в соответствии с общедоступными источниками, аксиома (греч. ἀξίωμα – утверждение, положение), постулат – исходное положение какой-либо теории, принимаемое в рамках данной теории истинным без требования доказательства и используемое при доказательстве других её положений, которые, в свою очередь, называются теоремами. Необходимость в принятии аксиом без доказательств следует из индуктивного соображения: любое доказательство вынуждено опираться на какие-либо утверждения, и если для каждого из них требовать своих доказательств, цепочка получится бесконечной. Чтобы не уходить в бесконечность, нужно где-то эту цепочку разорвать – то есть какие-то утверждения принять без доказательств, как исходные. Именно такие, принятые в качестве исходных, утверждения и называются аксиомами. В современной науке вопрос об истинности аксиом, лежащих в основе какой-либо теории, решается либо в рамках других научных теорий, либо посредством интерпретации данной теории [2].

При этом в юридической теории есть позиция, в соответствии с которой *principia probant, non probantur* – принципы суть доказательства, они не доказываются [3, с. 305].

Таким образом, есть определенный резон в проведении соответствующей аналогии и рассмотрении принципов права в качестве аксиом. Основанная на принципах-аксиомах, система права была бы на первый взгляд достаточно удобной для толкования и практического применения.

Здесь представляется уместным сделать некоторую оговорку. С точки зрения В.П. Малахова, в контексте юридического правопонима-

ния различимы только идейные и организационные принципы [4]. Сходным образом рассуждает С. Броклинд: принципы права подразделяются на структурные и идеологические [5]. Таким образом, под аксиомы больше «подходят» именно идейные (идеологические) принципы права, поскольку именно их, как правило, достаточно сложно (а иногда и невозможно) логически непротиворечиво доказать, а в ряде случаев можно даже привести доводы, обосновывающие обратное утверждение.

Например, Блаженному Августину приписывается высказывание: *lex iniusta non est lex* – несправедливый закон – это не закон [6]. Данное высказывание настолько контрастирует с традиционным *dura lex, sed lex* – суров закон, но это закон (поэтому соблюдать его надо в любом случае) [3, с. 138], что оно, по понятным причинам, намного реже упоминается в отечественной юридической литературе. В то же время идея Блаженного Августина, по всей видимости, является основой для естественного права, а *dura lex, sed lex* – одним из отражений общеправового принципа законности (и, соответственно, основой для юридического позитивизма).

Другой пример: вопрос о справедливости, применительно к штрафной ответственности, сводится по меньшей мере к двум противоположным подходам. *Satius esse impunitum reliqui facinus nocentis quam innocentem damnari* – лучше оставить преступление безнаказанным, чем осудить невиновного [3, с. 344]. *Receditur a placitis juris potius quam injuriae et delicta maneat impunita* – лучше отойти от установленных законов, чем допустить, чтобы правонарушения и преступления оставались безнаказанными [3, с. 332]. Уверенно утверждать, что в отечественной правовой системе второй подход на практике неприменим, как представляется, нельзя.

Не будет ошибкой и напомнить то, что в юридической науке иногда выделяются в чистом виде «парные», т.е. противоположные по содержанию принципы (централизма и децентрализма, выборности и назначаемости, коллегиальности и единоначалия, открытости и тайны информации, равенства и привилегий, ответственности за вину и безвиновной ответственности, презумпции невиновности и презумпции виновности, диспозитивности и императивности, немедленного действия законов и обратной силы закона, неотчуждаемости прав и свобод и их отчуждаемости и др.). Парные принципы противоположны по содержанию. Доминирование одного из них исключает действие другого. Однако в действительности их соотношение гораздо сложнее и разнообразнее. Во-первых, между ними могут быть разграни-

чены сферы действия. Во-вторых, между противоположными принципами может быть определен компромисс, выражающийся в их сочетании применительно к одной и той же сфере отношений [7, с. 137, 138].

Принципиальная возможность наличия у некоторого специально выделяемого идейного принципа права его «парной» противоположности, как представляется, означает, что государству (правовой науке) удобнее закрепить такой принцип права именно в виде аксиомы, для того чтобы вообще «уйти» от необходимости его логического обоснования, и в корне пресечь «неудобные» вопросы.

Впрочем, это не означает, что какие-либо выделяемые в настоящее время в российской науке общеправовые принципы должны «зеркально» отрицать какие-либо принципы советского права. Некоторый вопрос мог не признаваться в предшествующем историческом периоде актуальным (хотя это не значит, что он таковым не являлся); либо, наоборот, потенциально мог специально «высвечиваться», даже если его актуальность в советском обществе была под вопросом. Кроме того, единообразного перечня принципов права нет сейчас, не было его и в недавнем прошлом.

Например, в известной работе советского ученого А.В. Васильева [8] утверждается, что основными правовыми принципами социалистического права являются: закрепление политической власти трудящихся во главе с рабочим классом; закрепление, развитие и охрана социалистической собственности на средства производства; всеобщность труда членов общества и распределение по труду соответственно с его количеством и качеством; социалистический демократизм; охрана прав, интересов и свобод трудящихся; интернационализм; социалистический гуманизм.

Интересно то, что некоторые советские принципы права фактически являются основой для социалистических лозунгов («Партия – наш рулевой!»; «От каждого – по способностям, каждому – по труду!»; «Ни одного отстающего рядом!», «Народ и партия – едины!» и т.д.) [9].

В настоящее же время, исходя из Постановления КС РФ от 27 января 1993 г. № 1-П, общеправовые принципы – справедливости, юридического равенства, гарантированных государством прав и свобод человека и гражданина, возмещения государством всякого ущерба, причиненного личности незаконными действиями государственных органов и должностных лиц, закрепленные в Конституции РФ, обладают высшей степенью нормативной обобщенности, определяют содержание конституционных прав человека, отраслевых прав граждан, носят

универсальный характер и в связи с этим оказывают регулирующее воздействие на все сферы общественных отношений. Общеобязательность таких принципов состоит как в приоритетности перед иными правовыми установлениями, так и в распространении их действия на все субъекты права. В свою очередь, в Постановлении КС РФ от 22 марта 2007 г. № 4-П сделан вывод, что для поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, в том числе при изменении действующего регулирования, он обязан соблюдать конституционные принципы справедливости, равенства, соразмерности, а также стабильности и гарантированности социальных прав и не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо этих прав и приводило бы к утрате их реального содержания.

Таким образом, налицо определенное изменение системы общеправовых идеологических принципов, что, соответственно, показывает и изменение государственной идеологии. Конечно, против данного утверждения можно возразить, приведя ч. 1, 2 ст. 13 Конституции РФ: в Российской Федерации признается идеологическое многообразие; никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Однако заслуживает внимания позиция В.В. Михайлова: если в каком-то обществе не обнаруживается каких-то компонентов модели социальных ограничений, например идеологии, то это еще не значит, что их нет, возможно, их или недостаточно хорошо искали или не захотели найти. Если чего-то нет в чьем-либо рациональном сознании, это еще не значит, что этого нет вообще [10]. Более 150 лет назад известный английский математик и писатель Л. Кэрролл писал: «— А, может, здесь и нет никакой морали, — заметила Алиса. — Как это нет! — возразила Герцогиня. — Во всем есть своя мораль, нужно только уметь ее найти!» [11]. Очевидно, что при полном отсутствии государственной идеологии выделение идейных (идеологических) принципов невозможно, а их правовая наука выделяла и выделяет.

Соответственно, имеют место научные работы, в которых обосновывалось и обосновывается наличие в отечественной правовой системе аксиом (иногда — и принципов права — аксиом).

Так, известный ученый С.С. Алексеев полагал, что в марксистско-ленинской юридической науке аксиоматический характер приобрел ряд фундаментальных теоретических положений, получивших всестороннее теоретическое обоснование и подтвержденных общественно-исторической практикой. Таковы, например, положения: «право — возведенная в закон воля

господствующего класса, содержание которой определяется экономическими условиями его жизни», «право — ничто без аппарата, способного принуждать к соблюдению юридических норм», «законность — основа нормальной жизни общества» и др. Характер правовых аксиом свойствен и ряду положений, выражающих правовые (специальные юридические) принципы. Это положения, которые имеют для права значение непреложных истин. Они в сущности представляют собой те же самые правовые принципы (законности, справедливости, юридического равенства, истины и др.), конкретизированные в связи с особенностями отдельного участка правовой материи, главным образом в сфере юридической практики [12].

А.В. Масленников предлагает следующее определение: правовые аксиомы — это идеальные явления, относящиеся к различным плоскостям правовой действительности: к праву, правосознанию и правовой науке, — представляющие собой положения, концентрированно выражающие социально-правовой опыт, принимаемые как истины (абсолютные или относительные) в целях упрощения процесса регулирования и решения научных задач, обеспечивающие преемственность в праве и объективируемые в различных формах в зависимости от их принадлежности к определенным группам [13, с. 6–7].

Данный исследователь в т.ч. изучает в сфере уголовного процесса три наиболее известные аксиоматические суждения, выраженные в презумпциях: презумпция знания закона, презумпция истинности вступившего в законную силу приговора суда и презумпция невиновности [13, с. 115].

С.Н. Егоров, рассматривая аксиоматические основы теории права, отмечает, что принципы ограничения внешней свободы не могут иметь непреложности законов природы. Они должны (и могут) быть установлены в зависимости от того, чего мы хотим добиться, формулируя правила поведения, нормы права, то есть от наших целей. Возможность разного целеполагания приводит к тому, что возможны и различные теории права. Одним из элементов любой теории является первоначальное утверждение, которое представляет собой обобщающий термин для аксиомы, постулата, принципа, начала и т.п. Хорошая система первоначальных утверждений (аксиоматическая система) должна удовлетворять ряду требований: содержательности, формальной непротиворечивости, дедуктивной полноты, взаимозависимости [14, с. 8, 18, 23].

Указанный автор предлагает достаточно объемную систему (23 положения) аксиоматических основ права, среди которых можно отметить следующие: «Каждый человек обладает

внутренней свободой (свободой воли)»; «Каждый человек хочет жить хорошо»; «Стремление каждого человека к хорошей жизни правомерно (оправданно)»; «Люди обречены на то, чтобы жить сообща. Жизнь сообща – единственная возможная форма существования людей»; «Все люди имеют равные права на внешнюю свободу»; «Внешняя свобода людей должна быть ограничена»; «Внешняя свобода человека может ограничиваться только требованиями обеспечения внешней свободы других людей» [14, с. 125–132].

С точки зрения В.В. Оглезнева и В.А. Суровцева, в качестве аксиоматической системы можно рассматривать Конституцию РФ. Интересно то, что данные ученые полагают, что аксиомой, например, является утверждение «Все равны перед законом и судом» (ч. 1 ст. 19 Конституции РФ); аксиоматическим является утверждение «Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения» (ч. 2 ст. 17 Конституции РФ) [15].

Как полагает М.Л. Давыдова, существуют аксиомы, являющиеся принципами права: 1) общеправовые аксиомы-принципы («то, что не запрещено, – разрешено»; «свобода одного человека ограничивается свободой других лиц»; «где есть право, там есть и его защита»); 2) межотраслевые аксиомы-принципы («суд и судей нужно уважать»; «решение суда должно быть мотивировано»); 3) отраслевые аксиомы-принципы («нет судьи без истца»; «нет преступления без указания на то в законе»; «отсутствие указаний в законе не может служить основанием для отказа в правосудии») [16].

Но, возвращаясь к «проблеме перекрестка», получается, что принятая в российских (как, впрочем, и в иных) ПДД система основных положений (в определенном приближении – отраслевых аксиом), а именно: правостороннее движение – п. 1.4 Правил; общая обязанность уступить дорогу транспортному средству, приближающемуся справа – п. 8.9 Правил и др., – вообще не позволяет нормативно разрешить приведенный в начале статьи, весьма актуальный на практике вопрос. Даже внеправовой способ его решения – определить очередность проезда по договоренности – вызывает вопросы (все водители остановят машины, выйдут на перекресток и будут договариваться? или опустят стекла водительских дверей и станут одновременно кричать через перекресток свои предложения?). Студенты-юристы, которым на лекции задавался вопрос о «проблеме перекрестка», обычно отвечали на него проще: «Первым проедет самый наглый!», «Первым проедет водитель, управляющий самой большой / самой дорогой машиной!».

Конечно, вспомнив об «идеологичности» некоторых правовых аксиом, можно усомниться в том, что ПДД вообще содержат какие-либо «идеологические» положения, но, как представляется, некоторая их доля все же присутствует. Например, в общедоступных источниках приводятся доводы о том, что есть определенный, следующий из человеческой природы смысл, как в левостороннем, так и в правостороннем движении по дорогам. В России ещё в Средние века правило правостороннего движения сложилось стихийно и соблюдалось как естественное поведение человека. В 1752 году русская императрица Елизавета Петровна издала указ о введении на улицах российских городов правостороннего движения для карет и извозчиков. Великобританию считают главной «виновницей» «левизны», которая затем повлияла на многие страны мира. Влияние Великобритании сказалось на порядке движения в ее колониях, поэтому, в частности, в таких странах, как Индия, Пакистан, Австралия, было принято левостороннее движение транспортных средств. В 1859 г. посол королевы Виктории сэр Р. Алкок убедил власти Токио также принять левостороннее движение. Правостороннее движение часто связывают с Францией, с ее влиянием на многие другие страны. Во времена Великой французской революции 1789 г. в декрете, изданном в Париже, предписывалось двигаться по «простонародной» правой стороне. Чуть позже Наполеон Бонапарт закрепил это положение, приказав военным держаться правой стороны, дабы всякий, повстречавший французскую армию, уступал ей дорогу. Дальше такой порядок движения, как это ни странно, был связан с большой политикой в начале XIX столетия. В тех странах, которые поддерживали Наполеона – Голландия, Швейцария, Германия, Италия, Польша, Испания, – установилось правостороннее движение. С другой стороны, те, кто противостоял наполеоновской армии: Британия, Австро-Венгрия, Португалия, – оказались «левыми» [17].

Соответственно отечественным традициям, в п. 20 Декрета СНК РСФСР от 10 июня 1920 г. «Об автодвижении по городу Москве и ее окрестностям (Правила)» было установлено, что езда левой стороной, обгон на узком месте и срезание углов безусловно воспрещаются.

Вышеприведенная «проблема перекрестка» (а также и проблема аксиоматичности принципов права), как представляется, вполне может быть рассмотрена с учетом исследований, в свое время проведенных К.Ф. Гёделем, австрийским, затем американским математиком и философом [18]. Известны его так называемые

теоремы о неполноте, в упрощенном виде формулируемые следующим образом: всякая система математических аксиом (формальная система), начиная с определенного уровня сложности, либо внутренне противоречива, либо неполна (то есть в достаточно сложных системах найдётся хотя бы одно высказывание, ни истинность, ни ложность которого не может быть доказана средствами самой этой системы) [19].

Иными словами, для целей права, в т.ч. для целей ПДД, вполне могут возникать жизненные ситуации, которые не могут быть корректно разрешены через заранее заданную систему аксиом. Соответственно, и принятая в отечественных ПДД система основных положений не может не порождать «патовых» ситуаций, для разрешения которых на практике применимы только внеправовые методы. ПДД в данном случае хороши относительно простотой, а также и тем, что в билетах для сдачи теоретического экзамена возможность таких ситуаций прямо признается.

В связи с изложенным становится более ясным, почему идея об аксиоматичности системы права и о рассмотрении принципов права как аксиом достаточно серьезно и аргументированно критикуется [7, с. 258–269; 4, с. 120]. Для системы аксиом нужна полнота, внутренняя непротиворечивость каждой аксиомы и отсутствие противоречий между аксиомами.

При этом, например, В.Д. Зорькин справедливо отмечает, что в системе национального, в том числе конституционного, права рассогласование правовых норм-принципов (и, соответственно, широкий простор для интерпретаций) встречается редко. А вот в системе международного права, увы, налицо существование принципов, между которыми возможны коллизии. Например, в числе основополагающих принципов, вошедших в Декларации ООН, возможны коллизии между Принципом неприменения силы и угрозы силой и Принципом невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, между Принципом территориальной целостности государств и Принципом равноправия и самоопределения народов, между Принципом разрешения международных споров мирными средствами и Принципом уважения прав человека и основных свобод. Эти принципы формально равнозначно важны, из них ничто не «главнее». И здесь возникает пространство для взаимоисключающих интерпретаций. А поскольку этим интерпретациям невозможно придать правовую безусловность, они обрамляются комплексом нужным образом созданных СМИ информационных фальсификаций и «сконструированных» контекстов, а также

дальнейших интерпретаций этой «фальсифицированной реальности». Причем интерпретаций опять-таки не правовых, а политических и эмоциональных: «демократия и воля народа», «справедливость», «страдания жертв» и т.д. [20].

Одновременно признается, что те общеправовые принципы, которые относительно единообразно выделяются современной наукой, также не представляют собой исключительно непротиворечивой и самосогласованной системы. Так, Г.А. Гаджиев отмечает, что КС РФ нередко сталкивается с тем, что возникают противоречия между представлениями о различных конституционных принципах, да и конституционные принципы могут быть внутренне противоречивы. Согласование друг с другом противоречивых конституционных принципов, осуществляемое КС РФ в процессе рассмотрения дел, толкование Конституции РФ являются основным содержанием конституционной политики, имеющей своей целью утверждение гражданского мира и согласия [21].

В качестве определенного примера противоречий между идеями, казалось бы, составляющими согласованную систему, можно привести известный лозунг «Свобода, равенство, братство» (фр. Liberté, Égalité, Fraternité) – национальный девиз Французской Республики, берущий свое начало со времен Великой французской революции [22]. Даже поверхностный взгляд на проблемы свободы и равенства показывает, что данные категории изначально состоят в определенном противоречии. Как правило, при анализе этого лозунга предлагаются достаточно неоднозначные пояснения, что именно понимается под свободой, а что – под равенством (оказывается, ни то, ни другое не следует понимать в «обывательском» смысле). Возможно, именно по этой причине к свободе и равенству «добавлено» братство, т.е. для того, чтобы через еще более неоднозначный термин объединить сложные категории свободы и равенства. Впрочем, иногда такое объединение проводится и без особого усложнения. Так, В.С. Нерсесянц полагает, что люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы [23].

Таким образом, представляется более правильной позиция тех ученых, которые полагают, что принципы права не могут быть рассмотрены в качестве системы аксиом, в т.ч. и по той причине, что обеспечение их внутренней непротиворечивости и отсутствия противоречий между ними в настоящее время весьма проблематично. Приведенные выше конкретные примеры правовых аксиом, предлагаемые авторами

соответствующих подходов, как представляется, только подтверждают данный вывод.

Кроме того, даже если предположить, что получится создать систему принципов права – аксиом, то это вовсе не гарантирует отсутствия на практике «патовых» ситуаций, как в вышеприведенном примере «проблемы перекрестка». Подобные ситуации придется решать внеправовыми (доправовыми) способами.

Собственно говоря, и «пат» – (фр. *pat*, итал. *patta* – «игра вничью») – положение в шахматной партии, при котором сторона, имеющая право хода, не может им воспользоваться, так как все ее фигуры и пешки лишены возможности сделать ход по правилам, причём король не находится под шахом. В обыденной речи прилагательное «патовый» используется в смысле «не имеющий выхода, тупиковый» [24]. Очевидно, и шахматы предполагают набор жестких правил игры (хотя и не являющихся нормами права).

Список литературы

1. Экзаменационные билеты для сдачи экзаменов на права категорий «А» и «В» с последними изменениями на 2016 год. М.: Эксмо, 2016. С. 96.
2. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аксиома>
3. Латинские юридические изречения / Сост. проф. Е.И. Темнов. М., 2003.
4. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории. М., 2013.
5. Brokelind C. Principles of Law: Function, Status and Impact In EU Tax Law. 2014. P. 3. // Цит. по: Демин А.В. Принципы права: роль, статус и действие в налоговом праве Европейского союза // Налоговед. 2015. № 9. С. 78.
6. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Правовое_Государство
7. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012.
8. Васильев А.В. Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 227.
9. URL: <http://cccp.tv/slogan/>
10. Михайлов В.В. Социальные ограничения: структура и механика подавления человека. М., 2011. С. 252.
11. Кэрролл Л. Алиса в стране чудес: Пер. с англ. М., 2015. С. 126.
12. Алексеев С.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. М., 2010. С. 109.
13. Масленников А.В. Правовые аксиомы: Дис... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.
14. Егоров С.Н. Аксиоматические основы теории права. СПб., 2001.
15. Оглезнев В.В., Суровцев В.А. Конституция как аксиоматическая система // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 5.
16. Давыдова М.Л. Правовые аксиомы как средство юридической техники // Вестник ВолГУ. 2007. Сер. 9. Вып. 6. С. 96.
17. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Левостороннее_и_правостороннее_движение
18. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гёдель,_Курт
19. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аксиома>, <http://elementy.ru/trefil/21142>, <http://elementy.ru/lib/430446>
20. Зорькин В.Д. Право – и только право. О вопиющих правонарушениях, которые упорно не замечают. URL: <http://www.rg.ru/2015/03/23/zorkin-site.html>.
21. Гаджиев Г.А. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2.
22. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Свобода,_равенство,_братство
23. Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 2001. С. 28.
24. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Пат>.

LEGAL ARTICLE WITH A PICTURE – ABOUT ROAD TRAFFIC REGULATIONS, PRINCIPLES OF LAW AND GÖDEL'S MATHEMATICAL THEOREM

D.V. Tyutin

In this article, we look from an unconventional point of view at the question of whether it is admissible to consider the general principles of law as a system of axioms.

Keywords: principles of law, system of axioms, axiom of law.

References

1. Ehkzamenacionnye biletly dlya sdachi ehkzamenov na prava kategorij «A» i «V» s poslednimi izmeneniyami na 2016 god. M.: Ehksmo, 2016. S. 96.
2. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аксиома>
3. Latinskie yuridicheskie izrecheniya / Sost. prof. E.I. Temnov. M., 2003.
4. Malahov V.P. Mify sovremennoj obshchepравovoy teorii. M., 2013.
5. Brokelind C. Principles of Law: Function, Status and Impact In EU Tax Law. 2014. P. 3. // Cit. po: Demin A.V. Principy prava: rol', status i dejstvie v nalogovom prave Evropejskogo soyuza // Nalogoved. 2015. № 9. S. 78.
6. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Правовое_Государство
7. Cherdancev A.F. Logiko-yazykovye fenomeny v yurisprudencii. M., 2012.
8. Vasil'ev A.V. Pravovye kategorii. Metodologicheskie aspekty razrabotki sistemy kategorij teorii prava. M., 1976. S. 227.

9. URL: <http://cccp.tv/slogan/>
10. Mihajlov V.V. Social'nye ogranicheniya: struktura i mekhanika podavleniya cheloveka. M., 2011. S. 252.
11. Kehrroll L. Alisa v strane chudes: Per. s angl. M., 2015. S. 126.
12. Alekseev S.S. Sbranie sochinenij v 10 tomah. T. 3. M., 2010. S. 109.
13. Maslennikov A.V. Pravovye aksiomy: Dis... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2006.
14. Egorov S.N. Aksiomaticheskie osnovy teorii prava. SPb., 2001.
15. Ogleznev V.V., Surovcev V.A. Konstituciya kak aksiomaticheskaya sistema // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2015. № 5.
16. Davydova M.L. Pravovye aksiomy kak sredstvo yuridicheskoy tekhniki // Vestnik VolGU. 2007. Ser. 9. Vyp. 6. S. 96.
17. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Levostoronnee_i_pravostoronnee_dvizhenie
18. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Gyodel'_Kurt.
19. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Aksioma>, <http://elementy.ru/trefil/21142>, <http://elementy.ru/lib/430446>
20. Zor'kin V.D. Pravo – i tol'ko pravo. O vopiyushchih pravonarusheniyah, kotorye uporno ne zamechayut. URL: <http://www.rg.ru/2015/03/23/zorkin-site.html>.
21. Gadzhiev G.A. Principy prava i pravo iz principov // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2008. № 2.

22. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Svoboda,_ravenstvo,_bratstvo
23. Nersesyanc V.S. *Filosofiya prava: Uchebnik dlya vuzov*. M., 2001. S. 28.
24. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Pat>.